

А. Ю. Русаков, А. С. Тургаев

Культурно-образовательное пространство России и современные информационные коммуникации

Рассматриваются информационные аспекты формирования культурно-образовательного пространства России в современных условиях. Выявлена роль культуры и образования в формировании аксиосферы российского общества. Показаны информационно-интегративная основа понятия культурно-образовательного пространства и возможности использования различных моделей информационно-коммуникативных технологий.

Ключевые слова: культура, образование, культурно-образовательное пространство, субъекты коммуникации, информационно-коммуникативные технологии

Arkadiy Y. Rusakov, Aleksandr S. Turgaev

Cultural and educational space of Russia and the modern information communication

The information aspects of the formation of cultural and educational space of Russia in modern conditions are indicated. The role of culture and education in the formation of axiosphere Russian society are discussed. The foundation of information and integrative concept of cultural and educational space, as well as the use of different models of information and communication technologies is shown.

Keywords: culture, education, cultural and educational space, communications subjects, information and communication technologies

Развитие информационных коммуникаций в последние десятилетия оказало значительное влияние на культуру и образование. У жителей отдаленных уголков планеты, благодаря колоссальному развитию информационных и коммуникационных технологий, в том числе в сфере культуры и образования, появляется возможность приобщиться к мировым достижениям в сфере культуры, больше узнать о новых явлениях и процессах в сфере науки и техники. Современные информационные коммуникации создают благоприятные возможности для распространения культурных ценностей, взаимобогатства и взаимообогащения культур.

В то же время мощные потоки информации извне способны негативно повлиять на развитие национальной культуры. Интенсивный информационный обмен приводит к унификации культурного пространства, к появлению противоречивого феномена массовой культуры, к культурной экспансии, разрушению культурных традиций, самобытности. Возникает много противоречивых оценок по поводу качества потребляемой информации. Все это влияет на культурно-образовательное пространство конкретной страны, региона. Неслучайно в Основах государственной культурной политики в качестве основных целей указываются «укрепление единства российского общества посредством приоритетного культурного и гуманитарного

развития», а также «сохранение исторического и культурного наследия и его использование для воспитания и образования». При этом особо подчеркивается необходимость передачи «от поколения к поколению традиционных для российской цивилизации ценностей и норм, традиций, обычаев и образцов поведения»¹, т. е. фактически речь идет о формировании единого культурно-образовательного пространства нашей страны.

Данное понятие пока еще не получило должной оценки и анализа в научных исследованиях в сфере культуры. В большей степени это понятие разработано в сфере образования, в педагогике и в пограничных с ней областях. Такие авторы, как А. И. Бондаревская, Г. И. Герасимов, Л. Н. Павленко и другие справедливо указывают на системообразующую роль культурно-образовательного пространства, которое интегрирует «в себе природную сущность культуры с социокультурными возможностями образования»².

Обычно выделяют четыре основных структурных элемента культурно-образовательного пространства. Первое – это смыслы, ценности, идеи, нормы и т. д., т. е. все, что относится к содержательным аспектам культурно-образовательного пространства. Второе – это носители смыслов. Сюда можно отнести не только учреждения культуры, образования, общественные и государственные институты, но и совокупности

конкретных личностей. Ряд авторов (И. К. Шалаев, А. А. Веряев и др.), подчеркивают множественность локальных образовательных подпространств, что указывает на правомерность утверждений о личностном культурно-образовательном пространстве. Третьим структурным элементом является система коммуникации, которая обеспечивает информационный обмен и создает информационное пространство. Четвертый элемент – это само пространство и его пределы. Границы культурно-образовательного пространства, как правило, не совпадают с географическими границами и во многом зависят от границ информационного пространства.

Очевидно, что первый, третий и четвертый элементы непосредственно и очень тесно связаны с информацией. Второй структурный элемент связан в меньшей степени, но если говорить о личностном культурно-образовательном пространстве, то и здесь роль информации является определяющей. Таким образом, можно говорить о информационно-интегративной основе понятия культурно-образовательного пространства, где культура отражает смысловые и ценностные компоненты деятельности человека, а образование является способом целенаправленного воздействия для получения-передачи определенной информации, в том числе для планирования и управления процессом овладения культурой. В понятии культурно-образовательного пространства происходит соединение информации, которую потребитель получает как бы естественным путем, благодаря определенной культурной среде, и информации, целенаправленно формируемой и транслируемой через каналы образовательной системы. Умелое соединение этих двух начал способно дать поразительные результаты, хотя далеко не всегда эти результаты могут соответствовать этическим и моральным нормам. Все зависит от того, кто и с какими целями использует возможности культуры и образования в процессе формирования личности и общественного сознания.

Многое зависит и от используемых средств и способов воздействия, в том числе и от использования различных моделей информационно-коммуникативных технологий. Можно выделить три основные модели: однонаправленная, модель общественного информирования и транзакционная. Модели отличаются по целям, адресности, формам и средствам воздействия, этическим аспектам. Однонаправленная модель (субъект-объектное воздействие, обусловленное социальными отношениями господства и подчинения) преобладает в доиндустриальном обществе, где воздействие направлено прежде всего на инстинкты человека. Здесь используют

ся формы информационно-коммуникативного воздействия, которые опираются на традицию и мифы, а чаще всего – на силу. Этические аспекты здесь, как правило, не учитываются.

Модель общественного информирования (субъект-объектное воздействие, где задействованы элементы обратной связи) развивается в индустриальный период. Целью модели общественного информирования является одобрение объектом (целевой аудиторией) действий субъекта коммуникации. Здесь используется многократное повторение информации, убеждение, аргументы, пропагандистские приемы, реклама. Модель до определенной степени учитывает этические аспекты.

В постиндустриальном обществе главенствующее положение занимает транзакционная модель (субъект-субъектное взаимодействие, рассчитанное на достижение обоюдного взаимопонимания между субъектами публичного дискурса). Целью транзакционных ИКТ является доверие к субъектам коммуникации и их деятельности. Отсюда и соответствующие формы: равноправный обмен информацией, оперирование фактами, дискурс. В обществе с высоким уровнем развития социальных отношений данная модель не может функционировать без учета этических аспектов³.

Возможности и перспективы использования моделей информационно-коммуникативных технологий в формировании культурно-образовательного пространства предлагается начать с пространства. Во-первых, именно пространство в данном понятии является основой всей конструкции, а во-вторых, в современном глобализирующемся или «глокализирующемся»⁴ мире без предварительного осмысления и уточнения понятия пространства дальнейшие рассуждения малопродуктивны.

В отличие от философского, любое конкретное пространство предполагает наличие границ, где интегративность понимается прежде всего как внутреннее качество, объединяющее элементы данного пространства. Разумеется, конкретный регион или страна имеют устойчивые связи с внешним миром, которые также обеспечивают процессы интеграции. Тем не менее понятие культурно-образовательного пространства предполагает, что внутренние связи оказывают более сильное воздействие на структурные элементы, чем внешние.

Очевидно, что сегодня процессы глобализации, которые сами стали возможны «благодаря определенному уровню научно-технического и технологического развития»⁵, определяют не только политическую и экономическую повестку дня в различных странах, но и оказывают влия-

ние на национальные культуры и образование. Некоторые ученые, например, известный исследователь глобализации Дэвид Хелд, определяя основные проблемы в процессе глобализации, пророчили конец национальным культурам⁶, что фактически означало исчезновение национального культурно-образовательного пространства как данность.

Можно согласиться с мнением ряда исследователей о том, «что именно технология усилила взаимозависимости между локальными, национальными и интернациональными обществами, причем в масштабах, неведомых ни одной исторической эпохе»⁷. Однако опыт последних десятилетий учит, что рассматривать концепции, связанные с влиянием старых футурологических идей о мировом правительстве, пусть даже и облаченные в легкие словесные формулировки типа: «либеральной гегемонии власти»⁸, надо очень осмотрительно.

Сегодня мы видим на примере действий США и их союзников, во что выливается это либеральное глобальное управление. Важным сдерживающим фактором на пути реализации данной концепции являются опасения перед этой моделью, связанные с возможностью потери контроля над действиями этого «либерального» гегемона, реанимирования института цензуры (причем уже в глобальном масштабе), отсутствия гарантий у мировой общественности в возможности выражения непопулярных взглядов. Фактически речь идет о реализации однолинейной модели коммуникации на глобальном уровне.

Односторонняя модель не ушла в прошлое. Она по-прежнему широко распространена. Согласно этой позиции коммуникацию рассматривают как воздействие или принуждение к действию в определенном направлении. Этот подход можно и сегодня встретить у современных отечественных исследователей и у зарубежных ученых. В некоторых зарубежных научных изданиях коммуникация рассматривается как «передача информации, идей, оценок или эмоций от одного человека (или группы) к другому (или другим) главным образом посредством символов»⁹. Очевидно, что в данном определении акцент делается на передаче информации от субъекта к объекту воздействия. Помимо этого здесь возникает вопрос насколько уместно отделять понятия оценок или идей от понятия информации.

Данная точка зрения представлена достаточно широко и в отечественной научной литературе. Сторонники такого подхода достаточно категорично утверждают, что «главное в коммуникации – однолинейная направленность

коммуникационного воздействия. Коммуникация, на наш взгляд, это субъект-объектное отношение»¹⁰. Некоторые из представителей такой трактовки делают оговорки о том, что процесс коммуникации не всегда можно квалифицировать как принуждение к выполнению действия. Другие же прямо заявляют: «Исторически коммуникацией было... принуждение другого к выполнению того или иного действия»¹¹.

Такая трактовка связана с востребованностью данной модели в определенных кризисных ситуациях, когда необходимы мобилизационные программы управления, предполагающие оперативные действия. Как правило, такие модели используются в случае самосохранения, когда главной целью является сохранение и/или экспансия сложившейся системы с применением насилия.

Практика использования данной модели в международных отношениях позволяет решать проблемы в определенный отрезок времени и в интересах только лишь субъекта воздействия. В нашем случае это означает, что подлинной целью, обладающего необходимыми ресурсами субъекта однонаправленной модели, является подавление и уничтожение культуры объекта. Безальтернативное использование однонаправленной модели превращает национальные культурно-образовательные пространства в сугубо пассивные субстанции, не позволяя им самостоятельно развиваться, что в перспективе ведет к стагнации и гибели национальной культуры. Безальтернативное использование такой модели таит в себе опасности не только для объекта, но и для субъекта воздействия, так как в перспективе ведет к снижению информационного содержания, что лишает систему взаимодействия необходимых условий для развития, совершенствования и дальнейшего прогресса.

В нынешних условиях для современной России выступать в роли субъекта воздействия, используя однонаправленную модель в международных отношениях, не продуктивно и не реалистично. Основная задача России заключается в защите своего информационного и культурно-образовательного пространства от попыток скрытого и явного информационного воздействия. Границы культурно-образовательного пространства, как известно, не всегда совпадают с границами государств. Иногда они шире, а иногда – уже национальных границ. Многие исследователи, вспоминая возможности России советского времени, указывают на большое число каналов воздействия на мировую общественность. Действительно, в тот период страна обладала мощными ресурсами радиовещания (инновационные), миллионными тиражами выпускались

печатные издания на английском, французском, испанском, арабском и других языках. В нынешних условиях возможности использования этого опыта значительно ограничены. Тем не менее и сегодня благодаря ряду факторов у России есть возможности защитить свое культурно-образовательное пространство и расширить пределы информационного влияния в мире.

Создание единой системы норм и ценностей в культурно-образовательном пространстве России еще более сложная задача. Россия – многонациональная и многоконфессиональная страна с сильной социальной дифференциацией. Тем не менее, для решения этой задачи у нас есть главное. Это наличие информационно-коммуникативной технологии, позволяющей договариваться, вырабатывать подходы для создания общей для всех системы норм и ценностей – русский язык.

Сохранение языка является основной задачей в формировании культурно-образовательного пространства России. Именно язык воспроизводит доминирующие ценности и культурный опыт, которые являются основой и определяют типологию культуры. Ценностный мир общества и личности формируется не только традиционными способами, но и процедурами образования. Поэтому сохранение и развитие отечественной культуры невозможно без соответствующей модели образования. Именно сфера образования призвана стать регулятором системы ценностей и норм современного российского общества. Здесь чрезвычайно важно понять, как представлены ценности культуры, в том числе и мировой, в образовательных процессах. Создание амальгамы аксиосферы культуры и системы образования ориентированной на ценностно-мировоззренческие основы невозможно без использования транзакционной модели, где предусматривается равноправие партнеров по информационному обмену и где максимально учитываются интересы различных сегментов целевой общественности. Разумеется, здесь не обойтись без модели общественного информирования, но определяющей должна быть модель, которая предполагает партнерские отношения, равноправие, диалог субъектов коммуникации. Партнерство культуры и образования должны формировать мировоззренческую картину и личностные качества.

Конкретные модели информационно-коммуникативных технологий должны применяться в зависимости от ситуации, ресурсов и возможностей. Помимо этого имеет смысл прислушаться к мнению тех исследователей, которые совершенно справедливо указывают на то, что использование этих моделей зависит

и от конфигурации, и от уровня социальной ответственности влиятельных социальных сил в обществе. У. Шрам фактически говорит о субъект-субъектных отношениях в коммуникационном процессе, когда утверждает: «Существуют три влиятельные группы, способные при желании вносить изменения. Это – правительства, сами средства связи и массовая аудитория. Мы полагаем, что ответственность они должны разделить между собой»¹².

Авторы в ряде работ, посвященных массовым коммуникациям, делают очень важный вывод, утверждая, что общественные отношения предопределяют тот или иной тип прессы, а проблема ответственности прессы определяется социально-политической структурой того общества, в рамках которого функционировала пресса: «Пресса всегда принимает форму и окраску тех социальных и политических структур, в рамках которых она функционирует. В частности, пресса отражает систему социального контроля, посредством которого регулируются отношения между отдельными людьми и общественными установлениями»¹³.

Основными целями развития информационных коммуникаций должны стать достижение гармонии и взаимопонимания в обществе, координация интересов различных общественных сил посредством полной информированности и взаимоуважения субъектов коммуникации. Однако необходимо помнить, что на практике однонаправленные и модели общественного информирования, использующие средства и методы из пропагандистско-агитационного арсенала, будут востребованы и в некоторых случаях достаточно эффективны наряду с транзакционными (диалоговыми) моделями.

Транзакционная модель информационно-коммуникативного взаимодействия является наиболее адекватной для системы сложившихся социальных сил и отношений современного российского общества. Поскольку данная модель рассчитана на диалог, доминирование этических аспектов, достижение взаимопонимания между субъектами публичного дискурса. Транзакционная модель позволяет создать долговременную, устойчивую систему взаимовыгодных отношений, поскольку максимально учитывает интересы и мотивации различных сегментов целевой общественности.

Сегодня актуальной и стратегической задачей является сохранение культуры и культурного наследия российской цивилизации. Решение этой задачи возможно при условии объединения усилий сферы культуры и образования и использования системообразующего потенциала культурно-образовательного пространства, где

информационные коммуникации не будут препятствием для развития национальных культур, а наоборот станут создавать благоприятные возможности для сохранения, взаимообмена и взаимообогащения культур в духе гуманистических традиций.

Примечания

¹ Основы государственной культурной политики. URL: <http://static.kremlin.ru> (дата обращения: 25.04.2016).

² Герасимов Г. И., Павленко Л. Н. Культурно-образовательное пространство: сущность и реалии становления: монография. Ростов н/Д, 2003. 456 с.

³ Более подробно см.: Русаков А. Ю. Информационно-коммуникативные технологии в социокультурных контекстах различных исторических эпох // Вопросы культурологии. 2008. № 4, апр. С. 21–25; Его же. Трансакционная модель информационно-коммуникативных технологий в системе общественных связей // Изв. РГПУ им А. И. Герцена. 2008. № 78. С. 76–84; Его же. Демократические принципы в формировании классических моделей информационно-коммуникативных технологий // Вестн. ЛГУ им. А. С. Пушкина. Сер. Философия. 2008. Июль. С. 149–159; Его же. Информационно-коммуникативные

технологии в социально-политической сфере: опыт социально-филос. анализа: монография. СПб.: Береста, 2008. 212 с.; и др.

⁴ Robertson R. Glocalization: time-space and homogeneity-heterogeneity // *Global Modernities* / ed. by M. Featherstone, S. Lash, R. Robertson. London: Sage, 1995. P. 40.

⁵ Кулагин В. М., Лебедева М. М., Мельвиль А. Ю. Глобализация и развитие человека // *Глобализация: человеческое измерение*. М.: Моск. гос. ин-т междунар. отношений: Росспэн, 2002. 112 с.

⁶ Held D. *Democracy and the global order*. Cambridge, 1995. P. 271–283.

⁷ Rosenau J. *Turbulence in world politics*. Brighton, 1990. S. 17.

⁸ Gilpin R. *The political economy of international relations*. Princeton, 1987. S. 88.

⁹ Theodorson S. A., Theodorson G. A. *A modern dictionary of sociology*. New York: Cassell, 1969.

¹⁰ Науменко Т. В. *Социология массовой коммуникации*. СПб.: Питер, 2005. С. 42–43.

¹¹ Почепцов Г. Г. *Теория коммуникации*. М., 2001. С. 14.

¹² Schramm W. *Responsibility for mass communication* // *Mass communication*. Urbana, 1960. P. 585.

¹³ Сиберт С., Шрам У., Питерсон Т. *Четыре теории прессы*. М., 1998. С. 16.